

Аграрий-революционер —

как я вижу Зеппа Хольцера (Бернд Лёч)

«... я поменял один университет на другой, университет Висконсин на университет дикой природы», — писал Джон Муир (1838-1914) — совесть окружающей среды и проповедник дикой природы тогда ещё молодых Соединённых Штатов, о важнейшем повороте в своей жизни.

Так же и у меня произошёл поворот, когда я в августе 1995 года похитил моих студентов из университета и побывал с ними в «дикой культуре» воинственного Зеппа Хольцера, на бьющем жизнью через край южном склоне, через Рамингштайн у Тамсвега в Лунгау, на высоте между 1000 и 1500 м.

Я не доверял сначала рассказам о Краметерхофе, скепсис — моя профессия. Естествоиспытатели могут быть очень заносчивы, когда они противостоят оригинальному.

«Прежде чем сильно удивляться, лучше я не буду верить», — это утвердившаяся смешная карикатура ещё до 70-х годов на школьных преподавателей.

Профессор-исследователь (доктор Рудольф Хабисон), который у Хольцера иногда постреливал косуль и ловил рыбу, познакомил меня с молниеносно реагирующим и упрямым крестьянином. Вместо того, чтобы жаловаться, он был полон идей: оттеррасировал крутой склон с бедной почвой и превратил его в сверкающую лестницу с прудами, озёрами и рвами (более 30), посадил плодовые деревья вместо еловых плантаций, построил собственную электростанцию, великолепные срубы для гостей, множество загонов для диких животных, теплицу для новогвинейских попугаев и синелобых амазонов, каждый из которых стоит 10 000 шиллингов (727 евро). Хольцер наблюдает за природой с детства, и заметил сразу, что только многообразие страхует биологическую систему, а не однообразие, и на этом он основал экономически здоровое хозяйство.

Хольцеровские террасы – опустошение леса?

«Какой здесь вид на террасы! Великолепный! Груши, яблони и вишнёвые деревья. Деревья я потом продаю. Внизу, на высоте 1100 м, вишни созревают в середине июня, а сверху — в конце сентября. И так у меня постоянно есть вишни. Между грядами — спаржа, топинамбур, разные сорта картофеля и всевозможные овощи. По «Лесному Закону» это называется опустошением леса».

Только новое выражение — «дикая культура» — несёт в себе противоречие. Как может это быть диким, если обрабатывается?

Нужно отдать должное: Хольцер мужественно борется против монокультуры (которая является «наследственным грехом» цивилизованных людей, как

постоянно говорил одухотворённый Карл Буриан). Когда Хольцер отказался высаживать ёлочную монокультуру (потому что иголки окисляют почву; ёлки подвержены вредителям, а их поверхностные корни не держат по-настоящему крутой склон; нечего есть зверям, нет разнообразия фауны, и нет возможности постоянного использования земли, даже нет места, где гости могли бы набраться силы и отдохнуть), он попал под штрафы и судебные процессы с властями. Он выстоял их — и финансово, и морально.

Так же воюет он — из-за строительства лесной дороги — со множеством предписаний и большими затратами, сначала они (власти) срывают склон, а потом требуют возведения дорогих защитных сооружений.

Когда я заступился за него, власти, которые следуют букве закона, оказались в замешательстве — такой глубокой была пропасть в их представлении о порядке в лесу. Как можно защищать «такого», который в мешках таскает целые муравейники из леса на свой участок и при этом задаёт вопрос призванному его к ответу дипломированному инженеру лесничества:

— Вы имеете в виду *Formica rufa* или *Formica polyctena*?, тем самым введя его в смущение.

Даже власти заповедника удивлённо отреагировали: как я могу перевёрнутый экскаватором ландшафт находить естественным, где на каждом шагу кишит подделкой флоры и экзотики! Что здесь, в Лунгау, потеряли абрикос, дрок красильный, новозеландский киви, субтропические водяные растения, цитрусовые, хмель, сладкий картофель? Здесь же предназначено быть еловому лесу?!

Так что же имел в виду Хольцер со своим прелестным парадоксом «дикой культурой», прежде чем ему сказали, что он развил альпийский вариант «пермакультуры» — через большое разнообразие и взаимопомощь видов, биологическое саморегулирование и круговорот безостановочного хозяйствования с удивительно высокими показателями урожайности (за этот принцип тасманский профессор Якоб фон Икскуль получил альтернативу Нобелевской премии)?

Конечно же, Хольцеровский райский сад не является «диким». Но и не является настоящей культурой, с такими минимальными трудозатратами. Он содержит в себе все принципы успеха настоящей дикой экосистемы — только выглядящей хаосом многообразия экологических ниш, за которой прячется живой порядок: синергия, конкуренция, самостоятельная регуляция и круговорот.

Это управляемая случайность остроглазого наблюдателя природы.

— Случай, благоприятствующий только подготовленному духом, — открыто высказался Луи Пастер о ключе к гениальности из собственного опыта.

Другой нобелевский лауреат, открывший витамин С, — Сент-Дьёрдьи думал:

— Исследовать значит видеть то, что видят другие, при этом думать то, о чём никогда не думал другой.

Это если бы вы знали Зеппа Хольцера, и я должен был дополнить что-то для объяснения его успеха, то я бы сказал:

— Успех — это жить на проценты от природы, а не от капитала.

— Успех — это идти впереди своего времени и тем не менее быть понятным.

И его понимают! Мои студенты с факультетов науки о питании и биологического целыми днями учились и ловили каждое его слово:

- как можно на кусках скалы до сих пор не продуктивного южного склона, в «Сибирской Австрии», со среднегодовой температурой в 4,2°C, а зимой — до -25°C, выращивать теплолюбивые растения от абрикосов и персиков до тыквы рекордных размеров;

- как плодовые деревья биологическими методами защищают от поедания зверьём, и это при такой плотности заселения животных на его участке, о котором могут только мечтать другие охотугодия;

- когда необходимо рубить лиственницу, чтобы из её древесины делать прочную кровельную дранку и даже производить почти не горящую обшивку для дымоходов;

- как заселить воробьиного сычика против мышей и даже полёвок;

- как использовать стволы деревьев для разведения таких грибов, как опёнок осенний и шиитаке, который стоит в Германии более 31 евро за 1 кг, потому что ему приписывают противоопухолевое и холестеринопонижающее действие;

- как из опилок, грибных спор и экстракта трав, даже на кислой лесной почве, вырастить прекрасные грибы семейства лисичковых;

- как уховёртку использовать в садоводстве;

- как по дорогам, на склонах выращивать овощи;

- как из дерева вишни и корня горечавки выгонять ценнейший шнапс;

- как при помощи экскаватора с крутящимся ковшом озеленять гостиницы выросшими деревьями со склонов Хольцера – громаднейший шанс для сельхозработников, которые думают о будущем, ведь на туризм выделяют миллионы, так что за одно пышное дерево, которое уже на будущий год будет выглядеть впечатляюще, с удовольствием дадут одну-две тысячи евро — вместо того, чтобы ждать годы, пока из метёлки вырастет наконец-то статная лиственная крона.

Были очарованы полудико живущей шерстяной свиньёй мангалица: выглядело, будто она понимала каждое слово своего господина. Когда он встречал её вне загона, то ругал, и она быстро возвращалась через «нелегальную» дырку в загоне назад.

В настоящее время он использует сообразительных турапольских свиней, ухитряется содержать их в естественных для этого вида условиях.

Хольцер о свиньячем счастье и о пашне

«...я должен только рассыпать сладкого гороха, в поисках которого они копошатся, а утром уже всё перепахано. А послезавтра ещё пару горошин, свиньи снова ищут его и заодно боронят землю. Сначала они удобрили, вспахали, а потом проборонили.

Совсем не прихотливая раса из Хорватии, завезённая туда в своё время, предположительно, Марией Терезой. Они приносят приплод, который я могу продавать, мясо и сало.

Когда животное чувствует себя хорошо, тогда и продукт получается здоровым.

Я не желаю запира́ть зверей, играть роль тюремного надсмотрщика и кормить моих пленников в свинарнике. Они шумят и кричат в хлеву, когда снаружи светит солнце. Сколько животных сегодня не видят солнца! Такое должно быть запрещено, люди при этом становятся мучителями животных – это преступление сегодня ещё широко распространено. Однако они могут жаловаться. А мне не на что жаловаться, когда всё работает на меня».

Что он только не перепробовал – и почти всё в его руках стало успешным. При этом как только у него, с опозданием, появлялась конкуренция, и вскорости многие начинали заниматься тем же, Хольцер делал уже другое. Постоянно искать новую нишу значит оставаться вне конкуренции – это экологический принцип успеха, который одновременно является его экономическим секретом.

Хольцер об избежании конкуренции

«У меня также есть дикий крупнорогатый скот, к примеру, яки, бизоны, шотландская порода горных коров — очень крепкие породы диких животных, и, прежде всего, домашние виды животных, которых я успешно развожу. Сейчас этим занимаются некоторые мои соседи. И что делают соседи, не делаю я.

Я не хочу создавать им конкуренции. Есть ещё так много другого в сельском хозяйстве, что я хотел бы сделать. И как только кто-то повторит, я начну делать что-то иное. Так никому не будет скучно, и будет всегда что познавать нового. Это делает существование крестьянина интересным».

Он содержал лань и дикий рогатый скот, такой, как бизоны, зубры, яки, или полудикие шотландские горные коровы. Так как мясо отстреленных в загон зверей не подлежит санитарному и гигиеническому осмотру, за него можно было получить хорошую цену. Однако из-за дешёвого восточного импорта упа-

ла цена за живую лань — с 12 000 – 14 000 шиллингов (872 – 1017 евро) за штуку до 2 000 шиллингов (145 евро), и на мясо — до 20 шиллингов за кг (1,45 евро). А после аварии в Чернобыле упали цены на мясо дичи и на грибы. Пришёл конец размножению нутрий, когда восточный импорт пушнины упал в пять раз. Подобное произошло и с разведением глухарей, тетерева-косача и рябчиков.

Его предпринимательская фантазия должна иметь быструю реакцию на постоянное изменение условий, чтобы не потерпеть экономического фиаско.

Один из студентов, побывавший с нами у Хольцера, позже защитил в институте народного хозяйства диссертацию о Краметерхофе, на крутом склоне которого «лежит» ещё добрая дюжина диссертаций для биологов; тогда были бы научно проверены интересные наблюдения, эксперименты и утверждения, к примеру: как избежать поедания животными коры, молодых побегов деревьев и кустарников, оставляя то, что им нужно, или — как предоставить диким животным и при их разведении всё необходимое для их тела (когда у них кишечные паразиты, они идут к папоротнику и горькому люпину, к которым обычно не прикасаются; а также его птичьи вольеры, где птицы сами берут необходимое количество дурмана, камписиса или аконита, когда он лечит их от паразитов).

Одни его знания о содействии (или препятствовании) различных видов растений, или первый высев подготавливающих растений, которыми он в большинстве случаев начинает засеивать вырубку (люпины, дельфиниум, кориандр и фенхель), были бы достойны диссертации, а также его искусные приёмы, которыми он содействует жизнеобеспечению ежей, ласки или воробышко-го сычика, или его наблюдения за лесными муравьями, его глубинный взгляд на жизнь во влажных биотопах — эти вопросы возникают только из жизни в природе, и никогда — в стерильной атмосфере лаборатории.

Диалог Хольцера с растениями

«Эти растения способствуют развитию — сладкий люпин, клевер (для азота), горох и подсолнухи.

Нужно природу заставить работать на себя, наблюдать, разговаривать с растениями. Они скажут, хорошо ли они себя чувствуют. Если иметь чуточку чувств, то можно переместиться в них, тогда они будут расти везде. Тогда не будет хороших или плохих условий, только более или менее способные люди будут жить в кооперации с природой, а не в конфронтации с ней».

Его разговор с растениями — это скорее безмолвный диалог внимающего тончайшим сенсором тихие ответы растений.

Если бы его «дикая культура» не была бы уже названа «пермакультурой», я бы её окрестил «райской культурой» — ведь рай для людей никогда не был

диким, а был эдемским «садом». «Дикость (прежде чем она превратилась в отмирающие остатки) в большинстве случаев была страшной, да жутко для хомо сапиенс» («Культурное существо из природы». Гелен, Лоренц).

Бесспорно, что хомо сапиенс 99,9% своей эволюции провёл в природной среде (в маленьких социальных группах). Даже это имеет последствия. Сегодня в техническом, лишённом очарования запасном мире из мегакубов и «Безбожных прямых», безымянной агломерации населённых пунктов мы видим увеличивающийся невроз, шок потери природы. Последние островки природы становятся пищей для души, как витамин для ума; тащат ветки из джунглей, полные эпифитов, в пустые залы бюро дворцов, ищут в садовых рудниках воспоминания о потерянном рае. Мы видим это в садах эпохи романтизма и английских парках, «идеальных ландшафтах» и в райских картинах старых мастеров — на окраинах водоёмов, в пойменных лугах и могучих деревьях, возможно, во фрагментах руин, или в мирных, не боязливых, как в заповеднике, экзотических животных...

Не дикость является желанием большинства людей, а ландшафт («Landschaft schafft, wer mit dem Land schafft»). «Ландшафт творит, кто на земле работает», — сказал творческий проповедник идеи естественного сада, голландский художник Луи Ле Рой («Включать природу, выключать природу» — назывался его иронический бестселлер). Вместо педантичного мышления порядка «всё по линейке и ядом для слизней» дать природе снова возможность всё сделать самой, прислушиваться к ней — тот, кто хочет владеть природой, должен слушать её. Не дикостью, а одичанием называется требуемая временем, застроенная конструкциями цивилизационная и аграрная пустыня. Поэтому Конрад Лоренц основал со своей женой Гретль (дочерью садовода), а также с друзьями, такими, как Антал Фестетикс и Бернд Лёч, развесёлый элитный клуб «Союз по производству и сохранению полудиких состояний», где Луи Ле Рой и Фриденсрайх Хундертвассер объединились.

Также важна попытка Зеппа Хольцера сделать то же и в стандартной аграрной индустрии. Как же ещё может стать крестьянин «опекуном, восстанавливающим ландшафт» в Австрии, где ландшафт сделали фабричным залом, квадратами километрами, акцентами которого являются высоковольтные столбы линии электропередачи, речушки, обсаженные трубами, мешки развешенных удобрений, упакованный силос и хвост пыли, поднятый одиноко рычащим под открытым небом трактором индустриального рабочего (молодое поколение крестьян начинает тоже задумываться)? Для этого крестьяне должны себе снова создать творческое свободное пространство.

Это нелегко сделать в жёстких экономических клещах консультирующих служб и корсетах финансирования бюрократии Европейского Сообщества.

Зепп Хольцер своим ни с чем не сравнимым примером должен придать вам мужества. Он не подходит ни к одной схеме финансирования. Он должен

протестовать. Это очень полезно для нашего «постимпериалистического государства под ёлками» (с «придворными советниками» без двора, автор сам является таким). Здесь склонность к поспешному послушанию. Хольцер, напротив, развил стиль поспешного непослушания, и я вижу, у него срабатывает.

Хольцер об опеке крестьян

«Прискорбно, когда крестьянин, опекаемый теоретиками, позволяет им предписывать ему, как обрабатывать землю. Эта послушность чиновникам — проблема, потому что молодые крестьяне уже воспитываются так, чтобы с шляпой в руках идти к властям и делать то, что им скажут».

Обобщаема ли хольцеровская дорога? Краметерхоф недавно превратился из производящего продукцию в смотровое хозяйство, экспериментальную лабораторию альтернативного будущего в альпийском сельском хозяйстве. Можно ли это приписать творчеству?

Хольцер настолько же обобщаем, насколько кислое тесто или дрожжи могут заменить хлеб. Много, что мы называем экономическим или экологическим кризисом, в первую очередь является кризисом фантазии, и Зепп демонстрирует это прямо на глазах.

Даже трудно представить, как необходима его помощь развивающимся странам. Его забирают с крутых склонов Лунгау в Колумбию, Коста-Рико, скоро, наверное, поедет и в Африку — испытать свои знания там, где речь идёт о жизни и смерти. Глубоко тронутый нищетой, а также имея представление о возможных шансах, он говорит:

«Мы живём в холодном регионе Австрии. Столетиями крестьяне должны были учиться выживать. И потом я приезжаю в тропики, в климат, где три раза в год можно собирать урожай, — и что делают люди? Они умирают от голода в раю...»

RT Он проницательно смотрит на абсолютно другие условия: от климата над спектром используемых растений до чрезвычайного положения в области образования, с его гибкостью, когда речь идёт о локальной практике. В принципе же, он остаётся верен себе. И уже избилуют хольцеровские высокие холмистые гряды питанием, и учит жителей бедных районов самостоятельно обеспечивать себя продуктами, мечтает об агролесных программах он — одновременно обучающийся и проповедующий.

Зимы в Краметерхофе длинные, что для хольцеровской глобальной активности является преимуществом. Будущее его фермы как экологической лаборатории под открытым небом и образовательного центра обеспечено. Дочка Клаудия изучала биологию в Граце, в её дипломную работу тоже были включе-

ны высокие холмистые гряды, жужелицы из владений отца. Сын по окончании школы лесничих также начинает с экологии. В чём оба имеют огромное преимущество перед своими коллегами-студентами — они сознательно участвовали в этом нарастающем интересном процессе. Кто хочет заниматься пермакультурой, тот должен смотреть поперёк времени. Они будут опираться на две школы — Университета в Граце и своих родителей, находясь в постоянном, живом диалоге с природой и экономикой. Их мама с самого начала всё гениально перенесла. Со всей любовью и скромностью она выдерживает ритм после серьёзной болезни. Тем временем овладела компьютером, всё время держась в тени своего харизматического супруга при нарастающем интересе общественности, которая хочет знать, как это «чудо Краметерхофа» стало возможно.

Дадим ещё раз слово пионеру защиты природы Америки Джону Муиру:

«Астроном глядит в небо, а геолог в глубь. Кто смотрит между, на поверхность земли? Крестьянин, я думаю, — но зачастую только он видит зёрна».

Зепп Хольцер видит существенно большее, чем только зерно — Джону Муиру он бы понравился, а также его «Университет дикой природы».

Предисловие

Пермакультура Зеппа Хольцера: где вы этому научились? откуда эта идея? каким образом крестьянин пришёл к этой альтернативной форме ведения сельского хозяйства? Вопрос на вопрос, которые мне, Зеппу Хольцеру, горному крестьянину из Краметерхофа в Рамингштайне, в последние годы всё чаще задают.

Этой книгой близким по духу я хотел бы передать, как через ответственное отношение к природе, её растительному и животному миру возможна успешная и наполненная смыслом Жизнь. Результаты моего детского опыта привели меня к этому жизненному пути. Эта книга, смесь моей автобиографии и истории Краметерхофа, отображает, в некотором смысле экспромтом, мою философию.

Моё счастье, что у меня сохранился детский дар претворять в жизнь логику природы. Я всегда смотрю на природу открытыми глазами. Через постоянные наблюдения за живыми существами я открываю дорогу к гармоничному совместному существованию. Высший принцип для меня — понять природу, а не бороться с ней, как учили меня. Каждое животное и каждое растение имеют своё предназначение в мироздании. Проблема возникает только тогда, когда человек неправильно использует свои способности.

С самого начала я не понимал, что моё хозяйство — Краметерхоф — станет базой пермакультуры, действительно связанной с природой. Я и сам всего несколько лет как познакомился с понятием пермакультуры. И когда мой опыт становится интересным для всё большей части человечества, я этому, конечно, рад. Дегенерация и непонимание природы являются признаком нашего времени. Срочно необходимым видится мне осмысливание природы — это то, что должно начинаться с детства.

Может быть, изложенная на следующих страницах, моя жизнь — поможет в этом.

Зепп Хольцер.
Краметерхоф, май 2002 года.

Грядка на каменистом откосе «Кусачие черви»: детство

Воспоминания раннего детства

Кто помнит своё детство, а также требования юности, и не забыл, откуда он, тот лучше поймёт себя.

Вспоминаю своё детство, те ранние впечатления, которые впоследствии связали меня с моим домом и природой. Я родился 24 июля 1942 года с именем Йозеф у Мартина и Марии Хольцер в Краметерхофе. Наше высокогорное хозяйство принадлежало моим родителям и обрабатывалось, в основном, вручную. У меня были ещё два старших брата, Ханс и Мартин, и младшая сестрёнка Глория.

Наше хозяйство лежало на высоте 1300 метров над уровнем моря и было достижимо только дорогой для телег, через Рамингштайн. Больше чем 300 м разница между деревней в долине и нашим местоположением на горе. Сегодня к нам ведёт асфальтированная дорога, а тогда была только для телег с волами и лошаадьми. Пешком из Рамингштайна нужно было подниматься более двух часов.

Наше хозяйство было площадью 24 гектара. Мы держали 10 коров, лошадь, 20 баранов, несколько свиней и кур, много гусей, в общем, как и все хозяйства в округе.

И что важно, в то время крестьянин, имеющий земельный надел, был работодателем: я вспоминаю батрака Изидора (Изи) и горничную девушку Христл, а также наших временных работников и помощников.

На развёрнутом на юг крутом склоне высоко на горе много сложностей для хозяйствования. Но есть и свои преимущества. Важнейшее — солнце: когда оно светит весь день над Краметерхофом и нагревает крутые склоны.

Когда я был ещё маленьким, у нас не было ни бензопилы, ни телефона, ни света. Лес пилили вручную пилами и спускали в долину на санях, запряжённых быками или лошадьми. И будучи ещё ребёнком, я помогал в этих и других работах, а точнее, я должен был помогать. Тогда во всех семьях детей приобщали к работе, насколько это было возможным, чтобы они всё умели. И моя семья не была исключением.

Несмотря на то, что у нас было много работы, мы жили просто и были довольны. Все средства к жизни мои родители получали с участка земли, который использовали консервативно. Нововведения были у нас, если они вообще были, то только когда новые идеи принимались всеми дворами в округе. Я вспоминаю лебёдку вместо лошади для вспашки земли, такое выглядело принципиально интересным, но мой отец воздерживался от подобного применения. Поэтому неудивительно, что только в 1955 году мы провели электричество.

Наша семья была трудолюбива и религиозна, каждое воскресенье все вместе мы маршировали по дороге больше двух часов в долину, в церковь. Я

Крамтерхоф, 1910 год (маленький мальчик на фото справа – мой отец).

Мои родители Мартин и Мария Хольцер на их свадьбе в 1938 году.

Жизнь у нас была проста, люди были скромны, не имели медицинской и других страховок, лечились сами, по возможности избегая посещения дорогостоящего врача, который жил далеко.

Лёгкие повреждения и болезни лечились успешно домашними методами. Отлично справлялись тогда со своими обязанностями травники, которых сегодня называют целителями.

При охлаждениях, при болезни зубов, головы и живота успешно применяли различные компрессы и втирания. При гриппе мама делала компрессы сала с луком, укутывая нас одеялом.

Накладывала на грудь горячую черепицу, завернутую в платок. Я с небольшим удовольствием терпел эту процедуру, скользкий жир на моём горле мешал мне особенно, он должен был вытягивать болезнь и уменьшать воспаление. Другие домашние средства, которые тоже регулярно применялись, — были мази для ног, настойка арники и другие водочные настойки.

Я хорошо помню шерстяной свитер с узкой горловиной, связанный нашей горничной Христл, от которого всё чесалось. Возможно, от частой стирки он стал уже, в любом случае после снятия или одевания всё моё лицо становилось красным. Вещи в то время не выкидывались, а передавались младшим, и донашивание было обычным делом. Этот свитер до тех пор штопался, пока совсем не пришёл в негодность.

Первые опыты с зародышами растений в маминых горшках

Я жил тогда в постоянном страхе, что меня может кто-то забрать. Причина была в следующем: в детстве нас, детей, часто пугали за непослушание, грозясь отдать то полицейскому, то трубочисту или человеку, который приходил, время от времени, чтобы кастрировать свиней. Так что при появлении во дворе чужого человека я от страха и из предосторожности убегал, а посетителям это не нравилось, они хотели нас, детей, о чём-то спросить или отправить посыльными, когда родители работали в поле. Кастратора я боялся особенно, потому что свиньи ужасно визжали. Сегодня мне понятно, что в то время при кастрировании не обезболивали животных. Иногда они даже дохли от этого.

Однажды этот старик подозвал меня:

— Парень, подойди ко мне, я тебе ничего не сделаю, у меня что-то есть для тебя.

У него в руках было несколько каштанов, которые он принёс с собой из долины.

— Это тебе для игры.

Схватив каштаны, я молниеносно удалился от человека на почтительное расстояние.

Каштаны были приятной игрушкой, с которыми я с удовольствием занимался. В конце концов я показал их маме. Я хотел точно знать, что это?

— Сынок, это семя, если его посадить, то вырастет дерево.

Это меня заинтересовало.

Мама высевала в корыта у окон рассаду овощей. Саженцы она выращивала в тепле, чтобы позже высадить в огороде. Туда я и засунул свои семена. Часами я стоял на коленях, ожидая появления моих деревьев. Нетерпеливо я всё время повторял свой вопрос:

— Где же моё дерево?

Мама меня успокаивала:

— Это продлится неделю или две, пока оно вырастет.

Мои проверки в земле показали, что мои семена действительно стали толще.

И когда однажды проклюнулся первый росток, я пережил неописуемую радость. Этот день стал для меня ключевым.

Чем больше становились мои растения, тем более привязано сидел я у подоконника. Родители должны были постоянно прогонять меня, а я бы вообще оттуда не уходил. Втихаря я выдёргивал вокруг моих растений мамины салаты, об этом она, конечно же, не должна была узнать. Я рисковал для того, чтобы мои деревца лучше росли. История с каштанами на подоконниках — это одно из лучших переживаний моего детства. Признаком моей радости было то, что я показывал каждому, кто оказывался вблизи нашего двора, мои маленькие деревца. Мама удивлялась:

— Что он так суетится вокруг своих каштанов!

Это переживание не покидало меня, я начал высевать всё подряд. В скором времени мамины корыта были переполнены семенами европейского кедра, лиственницы, ёлки и многих других растений. Моё усердие понравилось маме, и она дала мне следующую подсказку:

— Если ты возьмёшь веточку смородины и воткнёшь её в землю, она будет расти точно так же, только это будет быстрее, потому что тебе нужно только отрезать ветку и воткнуть.

Что-то тогда росло хорошо, а что-то и вовсе не росло. Я безудержно радовался всему, всё равно, была ли это ольха или редиска. В конце концов все мамины оконные ящики были заполнены деревцами и кустиками. И вот это ей показало уже чересчур, и она сказала мне:

— Что за свинство ты развёл здесь, уже не различишь, что где растёт, я всё это выброшу!

Эти угрозы заставили меня волноваться. Я принял решение спросить у тяти (так ласково мы называли отца), могу ли я высадить мои саженцы в поле. Но он ответил мне отказом, и мама тоже запретила высадить их в свой огород:

— Это же обычные растения, которые везде растут.

А для меня было не важно, какие это растения, я радовался каждому, ведь я сам посадил и вырастил их. С каждым днём мне становилось страшнее от мысли, что мама в один плохой день просто повырывает и выкинет все мои саженцы, потому что они стали больше маминой рассады.

Неудобница «Кусачие черви» — мой первый участок

После долгого обдумывания, что же мне делать с моими саженцами, ко мне пришла гениальная идея.

Некоторые мужики из долины, из Мадлинга, арендовали у нас участки земли. Дровосек Ригер Хартл косил траву на крутом склоне для своих коз да обрабатывал небольшой участок с картофелем. Лёксен Зепп из Койшинга имел такой же склон для покоса. Платили они скромную арендную плату или отработывали на нашем дворе.

Мой крёстный по понедельникам ходил мимо нас на рынок в Тамсвег, там он узнавал цены на скот и лес, так как телефона и радио тогда не было.

— Добрый день! — встретил я его на обратном пути, подав руку. Я знал, что когда крёстного браво поприветствуешь, можно получить подарок, так и случилось в тот день, он дал мне два шиллинга. Это были первые деньги, которые я мальчишкой держал в руках, эту монету я радостно крутил в руках снова и снова, думая, если Ригер Хартл и Лёксен Зепп арендовали землю у моего отца, то, значит, и я могу тоже со своими двумя шиллингами.

Мне много раз доводилось видеть, как мужики платили отцу арендную плату, Ригер Хартл, к примеру, платил 50 шиллингов (3,60 евро) в год. Я прибежал к отцу и показал шиллинги, и первое, что он спросил у меня:

— Ты не забыл сказать спасибо?

Это, конечно, было само собой разумеющимся, я был так приучен. Крепко держа деньги в руке, я спросил:

— Могу я арендовать землю для моих саженцев за два шиллинга?

Усмехнувшись немного, он взял деньги, которые я держал у него перед лицом, и разрешил «покопаться» на крутом каменистом сухом, находящемся в ста метрах от дома, склоне, где ничего не росло.

«Кусачие черви» называли мы эту неудобницу, где с удовольствием грелись на камнях змеи, в лучшем случае мы косили там раз в год. Совершенно неподходящая для обработки земля. Из страха люди рубили змей косами, иногда жертвами становились совершенно безвинные рептилии — веретеницы и ужи. Мне было их очень жаль, и страшно смотреть на разрубленные тела.

С уже убитыми змеями мы проделывали злые шутки, к примеру, пугали девонок. Для этого мы подвешивали или раскладывали их в подходящих местах.

Не успев отдать отцу мои шиллинги, взяв мотыгу и кирку, я обустроил грядку примерно в два квадратных метра, обложил её камнями, и она обрела вид террасы, которую можно увидеть ещё и сегодня. Я перенёс все мои растения из маминых ящиков — мама со мной ругалась, потому что я при этом рассыпал землю, а выносить корыта на улицу я не мог, там рос плющ, которым сразу же заросла бы вся комната. Я прибегнул, насколько было возможно, к чистоте.

Я получил хороший опыт выращивания растений из семян, которым пользуюсь и сегодня, так, к примеру, в моей комнате растёт африканский баобаб.

Преждевременный сбор урожая

Однажды, примерно в 1948 году, мне сильно захотелось обрадовать мою маму, а получилось всё наоборот.

Рядом с зеленью у нас в огороде росли овощи, которые осенью нам, детям, разрешали выдёргивать, отряхивать от земли и укладывать в ряды. Родители позже очищали их от ботвы и корней ножами. Оставшись в воскресный день один, чтобы присмотреть за домом, я решил помочь маме. Это был конец июля, и до сбора урожая оставалась неделя. Овощи выглядели созревшими. Приступив к сбору, как это делали мы в прошлом году, я стал вырывать их и аккуратно складывать. Эта работа заняла у меня всё время до обеда. Усевшись поудобней, я принялся очищать овощи от ботвы и корней.

Как только родители вернулись из церкви, полный усердия, я хотел закончить очищать первую грядку. Сильно торопясь, я поранил указательный палец на левой руке так, что кровь брызгала, и было очень больно. Тяжело пораненный, я побежал навстречу маме. Увидев мой пораненный палец, она начала ругать меня, а рану обработала лизолом, что вызывало нестерпимое жжение, затем быстро приготовила отвар корня горечавки, промыла рану и перевязала старой, но чистой тканью.

Мама хотела знать, где я так сильно поранился, и я гордо повел её в огород. Когда она увидела, что я натворил, на меня справа и слева посыпались оплеухи. Мама, а позже и отец сильно ругались, их гнев для меня был сильнее ран на пальце.

Тяжёлые работы на новостройке конюшни

В то время не было возможности ходить в детский сад, наш двор находился далеко на окраине, так что ребёнком мне редко приходилось бывать в долине, только в церковные праздники или при церемонии отпевания усопшего, или когда я сильно заболел.

Тяжёлые работы я тогда должен был выполнять при строительстве конюшни, как и все дети: искать и собирать камни, которые потом на телегах увозили быки или лошади с полей на стройку. Песок и щебень привозили из канала. Для этого мы запруживали маленькую речушку кирпичами, и при рез-

ком спускании воды на дне оставался щебень. Для нас этот метод был интересным и весёлым, с другой стороны, эта работа была тяжела и неудобна, особенно тогда, когда мы пользовались сильными дождями, чтобы получить лучший результат, нередко при этом весь день мы были промокшими. Два года длился этот процесс, в котором мы добывали песок и щебень с весны до осени. Небольшую часть песка мы покупали и поднимали из долины к соседу, который имел лебёдку, а от соседа домой песок носили вручную. Это было тяжело и утомительно, с раннего утра и до позднего вечера мы все должны были помогать, и наша мама тоже.

Начало учебного 1950 года

И вот наконец-то я пошёл в школу. Однако до и после школы я должен был выполнять простые работы по хозяйству: водить к водопою животных, подносить инструменты, помогать на покосе, зимой наполнить кормушки сеном.

Если бы сегодня дети имели столько обязанностей, наверное, за такое родителей бы оштрафовали, а тогда для нас это было вполне нормально.

Учиться я начал только с семи лет, так как на дорогу в школу у меня уходило два часа быстрого шага. В нашем, смешанном, классе было 38 учеников, а учительницу звали Эмилия Блюм. Из-за тяжёлой болезни моего брата — воспаления среднего уха, по совету врача мы сменили школу. Он предположил, что длинная дорога в Рамингштайн вдоль реки Мур послужила причиной заболевания. Короткая же дорога, в соседнюю деревню Томаталь, до школы занимала всего один час, но так как это была школа в другом селе, нашему отцу пришлось платить. Зимой снежный покров достигал двух метров, некоторые хозяйственные постройки проламывались под такой тяжестью.

Учительницу из той школы я вспоминаю с трудом, помню только, что она была грубой и часто била детей и таскала за волосы. Особенно большим испытанием для нас было пение. К тому же, со временем я совсем потерял способность петь, за каждую фальшивую ноту получая затрещину. И к чему это привело? Я получил столько подзатыльников от неё, что пару дней почти ничего не слышал.

Другой случай из школы в Томатале: мой школьный товарищ Йонсен Франц из Бундшу раздавал всем, кому хотел, 4-5-сантиметровые гильзы, которые, если в них подуть, свистели, что доставляло нам всем большую радость. На самом деле это были заряженные капсулы, которые Франц нашёл дома и принёс в школу. Я хранил свои свистульки в коробке для грифелей.

Однажды на пороге класса нас встретил жандарм с директором школы. Выстроив всех в линейку, директор стал собирать капсулы-детонаторы, обыскивая все портфели. Он положил Франса себе на колено и всыпал зачинщику по мягкому месту на наших глазах, и пригрозил нам. Мы очень испугались. Директор объявил, что пока все детонаторы не будут найдены, из школы никто

не выйдет. Не хватало ещё двух гильз, которые, слава Богу, были через полдня найдены, и мы смогли войти в класс. Наш страх со временем улетучился.

До этого случая я считал директора корректным человеком. Пощёчины и подзатыльники, даже от директора школы, считались тогда в порядке вещей.

После выздоровления моего брата отец решил сэкономить на школьных взносах, и мы вернулись в свою школу, идти в которую нужно было два часа в одну сторону. Дорога для меня не была тяжела, к тому же, учительница в Рамингштайне была хорошим и душевным человеком. И сегодня я могу сказать, что она была лучшим из педагогов, которые были у меня в школе.

Первая продажа и обмен

Уже в третьем классе я продавал и менял саженцы со своего участка, рассказывая всем, чем я занимаюсь дома. Некоторым детям становилось интересно, и они приходили посмотреть на мой огород.

Фабричные дети, приходившие из долины, получали от своих родителей в школу больше денег, чем я. Ко мне пришла идея: мои одноклассники часто ели мороженое, которое стоило 50 грошей (примерно 4 цента), что я редко мог себе позволить, поэтому я предложил им за просмотр моего участка позволить полизать их мороженое, и у меня всё получилось.

Со временем в моём огороде красовались тыква, клубника и другие растения, которые я продавал. Я заметил, где лежат камни, там папа больше не косит, тогда я начал таскать на свой участок камни и корни и высаживать понравившиеся растения. Однажды отец, сломав на покосе деревянную ручку косы, не мог понять, откуда здесь враз появилось столько камней.

— Этот свинарник косить я больше не буду! — ругался он, мне пришлось быстро скрыться из вида, чтобы он не догадался, каким образом здесь появилось столько камней, иначе последствия было бы трудно представить. Однако это дало мне возможность засадить весь склон.

Высаживая клубнику, я заметил, что ягоды становились больше и слаще, если возле них были камни. Я сразу дал этим ягодам имя: «каменная» клубника, которую мог продавать или обменивать в школе. Особенно хотели получить эту «каменную клубнику» девочки, отдавая мне в обмен стиральную резинку, тетрадки или просто деньги. Я тогда уже продавал не только фрукты, но и саженцы клубники.

Из опыта с клубникой я сделал важные для будущего выводы: нагреваясь на солнце, камни накапливают тепло и отдают его в окружающую среду, поддерживая температурный баланс; образующийся под камнями конденсат создаёт благоприятные условия для червей, активизируя жизнь земли — всё это позитивно влияет на клубнику и, следовательно, на многие другие растения. Так лесная, мелкая, земляника стала у меня крупной и очень сладкой; высаженная в

большом количестве, уже через год она продавалась мной как собственный селекционный сорт «Каменная клубника».

При пересадке я прикрывал землянику листвой, чтобы она не высыхала. Особенно хорошо она принималась там, где рос белый клевер, поэтому я стал высаживать их вперемешку. В лесу я заметил, что на горях земляника хорошо росла, используя это открытие, я ведрами начал носить золу с оставшимся древесным углём на свои грядки.

Мне хотелось этими примерами показать, насколько важно наблюдать за почвой, растительным сообществом и анализировать. Если возможно, определить: почему плохо или почему хорошо произрастает то или иное растение. Это, конечно, зависит от умения делать правильные выводы — это одна из важнейших способностей, которую человек должен развить во взаимодействии с природой. Стоит обратить свой взор на плохое, чтобы понять, почему это происходит. Это одинаково применимо как к растительному и животному миру, так и к миру людей. Почему одно растение — красивое и здоровое, а другое — жалкое и больное? Почему одно тёмно-зелёное, а другое слабое и бледное?

Постоянные наблюдения за моими грядками стали решающим фактором моего успеха, поэтому, собирая урожай, я смог зарабатывать деньги. То, что благодаря моим действиям на огороде всё стало лучше развиваться и расти, для меня, ребёнка, было огромной радостью, даже если речь шла о паре клубничек.

Я впервые понял, что могу способствовать изменениям в природе. Это вызвало во мне такой восторг, что я безудержно стал рассказывать об этом в школе и дома, надоедая родителям, братьям и сёстрам, вызывая насмешки одноклассников.

Рыбы — моя первая живность

Годы войны и послевоенные были обозначены ужасной бедностью. Хороший полдник очень ценился, в то время многие дети страдали от недоедания, однако деревенские дети на большой перемене ели хлеб с маслом и салом, фабричные же дети редко когда имели с собой что-то хорошее и чаще всего выпрашивали у деревенских кусочек сала или хлеба. Жадины, не желавшие поделиться, съедали свой полдник, закрываясь в туалете, в полной безопасности, но это продолжалось не долго, пока учителя не натыкались на запертую дверь в туалет.

Я же всегда стремился использовать свой полдник с пользой, несмотря на то, что моё чувство голода всегда было больше, чем еды, которую мне давала с собой моя мама. Однажды, когда я получил особенно большой кусок сала, мой школьный товарищ Ханс Ашбахер предложил:

— Если ты отдашь мне этот кусок, то я дам тебе бычка подкаменщика.

— Что это? — спросил я.

— Это маленькая рыбка, — ответил он. Рыбу до этого я никогда не видел.

— Ты можешь её посмотреть, — заманивал он меня.

Завернув кусок снова, мы отправились в Мадлинг, где в многоквартирном доме жил Ханс. В одной комнате, разделённой шерстяным одеялом, жила вся его семья.

Нас никто не должен был видеть, потому что нелегальный лов рыбы повлёк бы за собой побои учителя, жандарма и родителей.

Мы отправились на реку Мур. Старую, пробитую армейскую банку из-под печенья Ханс прятал в укромном месте у берега. Открыв её, я увидел маленькую рыбу с красными точками на теле. С первого же взгляда я пришёл в восторг, этот момент был прекрасен.

— Бычок на дне банки, а это — ручьевая форель, которую я не собираюсь отдавать.

А мне эта рыбка с красными пятнышками не давала покоя.

— Я дам тебе сало и весь полдник завтра, если ты отдашь их обоих.

Однако я сомневался, не нарисовал ли Ханс сам эти красивые цветные точки.

— Уверю тебя, это от природы, — заверял он.

В конце концов, я попробовал даже оттереть краску пальцем, и увидел, что они не стираются. И мы договорились, Ханс должен был завтра получить хороший кусок сала, а я забирал рыб домой.

— Если они белым повернутся кверху, то ты должен поменять воду, — кричал он мне вслед. Я не понял. Тогда Ханс объяснил, что когда рыбы повернутся вверх животом, я должен поменять им воду.

— Куда я должен влить воду, в рот или в живот? — не понимая, спрашивал я.

— Воду нужно менять в банке, впуская кислород, чтобы рыбы не задохнулись.

Всё это было для меня ново. Я вырос на горе и не имел об этом никакого представления. Ханс понял это и решил, для безопасности рыб, проводить меня до дома. Чтобы добраться до следующего водоёма, нам пришлось бежать не по просёлочной дороге, где не было воды, а по более длинной, скалистой, крутой и опасной тропе. У первого же ручья Ханс показал, как нужно выпускать воду, чтобы рыба не уплыла — повернув банку крышкой вниз, через отверстия в которой вода должна была выйти, затем перевернуть её вверх и подставить под водопад, чтобы набрать свежую. На полпути, когда дорога стала особенно опасной, Ханс повернул назад, а я должен был преодолеть её один за два часа, ведь дома меня ждала ещё работа. Если я справлялся с дорогой за два часа, для родителей всё было в порядке, и я был молодцом; если за два с половиной — это уже было на грани; а за три часа — меня наказывали, таская за волосы, или подзатыльниками.

Придя домой, я сначала сориентировался в обстановке, есть ли кто-то в зоне видимости, никто не должен был узнать о рыбах, ни папа, ни мама. Убе-

Одна из редких моих детских фотографий (1952 год).

В юности я играл на трубе в духовом оркестре Рамингштайна. На этой фотографии я сижу в центре, поездка в Южнотирольские Доломиты.

дившись, что никого нет, я подошёл к чаше, вырезанной из цельного камня, куда постоянно бежала вода из источника, и вылил всё содержимое банки.

10-сантиметровый бычок подкаменщик ещё жил и пошёл на дно, и маленькая форель тоже выдержала переезд. Я сильно беспокоился, потому что рыбы были видны в воде, а родители не должны были их обнаружить. Я трясся, что они расскажут Шурле, мужу моей двоюродной сестры, который был инспектором жандармерии в Рамингштайне. Он часто при патрулировании заходил к нам, и мама всегда угощала его полдником. Мальчиком я сильно боялся людей в униформе, потому что родители часто пугали меня:

— Если ты не будешь слушаться, мы отдадим тебя Шурле, он закроет тебя в камере.

Что же делать? Маленькая рыбка всё время плавала вперёд и назад, без сомнения, родители её сразу заметят. И тут ко мне пришла славная идея. Я пошёл в свой огород и принёс пару корней и камни, и построил в чаше укрытие для рыб. Теперь я был спокоен и даже не заметил, что весь промок. Как только я пришёл домой, мама сразу стала ругать меня, а я оправдывался, что упал нечаянно в воду, когда пил.

— Переоденься и принимайся за работу, — прокомментировала она.

Мне было ясно, что рыбам нужна еда. Но какая? Я не знал, как нужно правильно их кормить.

На следующий день Ханс, получив свой полдник, поведал мне, что рыб нужно кормить кузнечиками и другими насекомыми, а также дождевыми червями. После этого я насобирав для них столько еды, что они не смогли всё съесть.

Эти водяные существа, особенно форель с красивыми красными точками, так очаровали меня, что я мог часами смотреть в глубину чаши, при этом всё остальное забывая и даже ничего не слыша. Мне хотелось только наблюдать, как рыбки едят. Мама часто ругалась:

— Когда ты отойдёшь от воды? Опять пьёшь? Возьми чашку, и не пей, откуда скотина пьёт.

Слава Богу, о рыбах ещё никто не знал. Несколько недель было всё хорошо. Я стал раньше приходить домой, а мой пенал был всегда полон кузнечиков и червяков. Мама удивлялась, почему это я стал таким прилежным.

— Он весь взмок, так быстро он шёл домой, — радовалась она.

Однажды я, как обычно, пришёл домой из школы и сразу отправился к источнику. Разочарованный, я не увидел там ни камней, ни корней, не говоря уже о рыбах. Я ничего не нашёл, кроме чистой, прозрачной воды. Придя к маме, я спросил:

— Что случилось?

А она, ругаясь, рассказала, что кошка принесла рыбу в зубах. И тогда, уже плача, я подошёл к маме и спросил:

— Почему источник такой чистый?

Она ответила коротко, как отрезала:

— Если ты сейчас не успокоишься, то получишь ещё и от отца.

Отец, к счастью, присутствия рыбы не заметил. Он хотел напоить лошадь, но она отказывалась пить.

— Что с Мулей случилось, почему она воду не пьёт? — спросил отец и стал внимательно осматривать источник. Тут он заметил камни и корни.

— Везде, где проходит этот негодник, там появляются камни и корни! — ругался он, уже явно подозревая меня. В заключение он выдернул пробку и, слив воду, очистил чашу, выкидывая всё из неё. Рыбы упали в траву, а чаша, вымытая венником, была вновь наполнена чистой водой. Лошадь подошла и теперь могла спокойно пить. Отец рыб не заметил, и это было хорошо.

Я был в глубоком шоке. Через несколько дней я принял решение:

— У меня обязательно должны быть рыбы.

В 1952 году я построил свой первый маленький пруд, или, лучше сказать, лужу для рыб. Рыбы стали для меня всем. Недалеко от дома, на мокром месте я решил выкопать её, место, по моему мнению, было идеальным, потому что было скрыто кустарником от папиных глаз. Расчистив один квадратный метр, я начал копать, и вдруг на дне лужи забил родничок. Камнями и корнями я замаскировал это место так, чтобы никто не обращал на него внимания.

Вода в моём прудике держалась хорошо. Обмениваясь полдниками с Хансом и его братом, я вновь приобрёл рыб, но вскорости места стало мало, нужно было расширяться. Через эту работу с маленьким водоёмом я научился, познал многие различные и существенные взаимосвязи воды и природы.

К примеру, я открыл одного большого жука, который мог плавать в воде. И сегодня я знаю, что это плавунец окаймлённый, которым я тогда так восхищался, к тому же, там обитало множество амфибий — ящериц, лягушек и жаб. До моего сознания дошло, что многие виды животных обитают во влажных местах и вокруг них. Особенно интересно было наблюдать за головастиками.

Бизнес с одноклассниками

Обо всех моих открытиях дома я рассказывал в школе одноклассникам, часто они мне не верили.

— Вы можете посмотреть, — говорил я им. И они приходили и подтверждали мои открытия. Посетителей становилось всё больше, и я стал брать за посещение 50 грошей (4 цента) с каждого, и всё же желающих не убавлялось. Кто приходил без денег, тот отдавал жевательную резинку или что-то другое.

Вскорости у меня рекой полилась торговля. Я продавал ящериц, лягушек, жаб, жуков и личинок окаймлённого плавунца, которых, ребёнком, я называл бегемотиками, потому что они выглядели, как речной бегемот. Со временем я скопил денег и получил опыт в торговле. Некоторые школьники выпрашивали

у меня растения, животных, брали деньги взаймы. Платить они намеревались позже, когда бабушка, дедушка или крёстный дадут им денег, часто слышал я и соглашался на это.

Один из моих лучших покупателей, Эмбахер Хартл, сам выкопал прудик и посадил огород, накупив у меня много растений и животных. Когда-то, в третьем классе, он задолжал мне 5 шиллингов (36 центов). Также у меня было множество его личных вещей, на которые он обменивался со мной. Он долгое время успокаивал меня, обещая отдать долг, но не отдавал.

Сначала я назначил ему проценты — ещё 50 грошей, с чем он согласился, но денег всё же не возвращал, и когда мне надоело ждать, я вlepил ему пощёчину, за что был строго наказан учительницей, и должен был до обеда стоять за доской.

Об этом случае я позабыл, потому что было множество похожих. Недавно на встрече выпускников моя учительница Эмилия Мальцер (урождённая Блюм) напомнила мне об этом случае. Эмбахера Хартла, к сожалению, не было на этой встрече, и денег от него я так и не получил до сегодняшнего дня.

Кстати, на встрече учительница, приветствуя бывших учеников, пожимала руки и вдруг внезапно спросила:

— А Зеппи Хольцер здесь?

Я стоял в конце группы и испугался. Что опять случилось? В большинстве случаев, когда в школе обо мне спрашивали, значит, случилось что-то особенное, и меня ожидала головомойка. Но учительница была рада видеть меня и говорила, что читала обо мне в газетах и видела передачи по телевизору, и радовалась возможности побеседовать лично.

Эмилия Мальцер рассказывала обо мне множество историй другим детям, что мне было приятно слышать, эти истории часто были для меня негативным опытом, однако теперь показались мне более позитивными, чем в детстве.

Страх перед уроком религии

На уроках религии я заметил, как много зависит от людей и их поведения. Наш первый учитель закона Божия был настоящий грубиян, который не прилагал никаких усилий, чтобы нам, детям, объяснить католическое учение — Законы неба, ада, смертных грехов и т. д. При первой же возможности бил детей ивовым прутом по пальцам вытянутых вперёд рук. Этот способ преподавания религии, в котором чёрт играл большую роль, приводил меня и моих одноклассников в страх. Особенно превращалась в кошмар длинная дорога домой. Всё это и до сегодняшнего дня осталось во мне негативным воспоминанием. Вместо того чтобы передать молодым людям позитивный взгляд на жизнь и воспитать мужество, им прививается страх и ужас.

При следующем духовном отце, Майере, отношения улучшились. Мы с ним хорошо понимали друг друга. Я научился обязанностям послушника, и даже какое-то время мечтал стать приставом.

Пропускали школу из-за работы

Детям фермеров приходилось дома много работать, не раз с фальшивыми извинительными записками родители отправляли нас в школу, поэтому, в наказание, нас оставляли после уроков нагонять пропущенное. При этом не раз мы были «забыты» учителем или богословом в классе, тогда приходилось возвращаться затемно, а порой и одному, особенно зимой было тяжело добираться, а дома меня ждали проблемы с опозданием, а в заключение я должен был ещё работать. Домашняя работа была для меня рутиной, а после неё меня ждали уроки.

После ужина я шёл в постель с тёплой черепицей, завернутой в платок, вместо грелки. Нередко рано утром на стенах комнаты был иней. В постели мешок сена служил матрацем.

Этот льняной мешок был набит соломой ржи, на которой можно было спать только после приминания и образования углубления. Укрывались тяжёлым и тёплым одеялом, набитым льняной паклей. Для согревания ног служила нагретая в печке черепица.

Каверза с работником Изидором

Мой двоюродный брат Ханс, работник Изидор (Изи), мой брат Мартин и я спали в одной комнатухе. Тогда как большие имели собственные постели, Мартин и я делили одну кровать. Изи сильно курил трубку и выпивал, особенно по выходным он бывал часто сильно выпившим. В комнате стоял такой дым, что было сумеречно.

Была Пасха. Для этого праздника устраивался фейерверк. Мы, дети, с восхищением наблюдали, как заряжали ракеты и стреляли. А также жгли Пасхальный костёр, который был для нас решающим моментом. Он зажигался в полночь, при этом стреляли из ракетниц.

Порох для зарядки ракетниц, конечно же, от нас хорошо прятали. В том году мы с Мартином нашли, где его от нас прячут. Мы быстро достали несколько шариков этого чёрного порошка и высыпали их в трубку Изи в то время, когда он отправился, чтобы напиться. Порошок в трубку, табак сверху, закрыли крышку и положили трубку снова на своё место.

Изи пришёл поздно ночью сильно пьяный. Обычно он пару раз потягивал свою трубку, прежде чем залезть в постель. И тут раздался ужасный взрыв, огонь вырвался ему в лицо. Последствия были намного хуже, чем мы, мальчишки, могли себе представить: трубку разнесло, Изи был чёрный, как негр, и борода его сгорела.

А мы хохотали, сидя в кровати. И тут началась буря. Он враз отрезвел, выловил нас из постели и устроил нам трёпку, пока не пришёл отец и не встал между нами.

Изи в то время выращивал перед домом, в своём собственном огороде, табак. Это растение выглядело для меня как подсолнух, только не такое боль-

шое и с широкими листьями. Табак интересовал меня. Позже, когда Изи уже не жил у нас в доме, я тоже пробовал выращивать его.

Только я не нашёл подходящих семян, не говоря уже о растениях. Только в девяностых годах я начал высевать табак в наших горах, различные сорта которого стали отлично расти.

Моя первая лама

Ребёнком я всегда хотел иметь животных. И вот в 1953 году я купил у моего отца ламу, а у семьи Фукс — козлёнка. При этом папа выставил одно условие: я должен был сам ухаживать за ними, а самое главное — я должен был выращивать зерновые и корнеплоды для их питания сам. Мои обязанности расширились, и мой участок разрастался вместе с ними. Я научился даже с плохих почв собирать урожай. Со временем я имел уже несколько участков земли.

Чтобы было легче обрабатывать землю, я вместе с одноклассниками построил лебёдку, которой мы поднимали навоз на мой участок на склоне. Строительство этого сооружения доставляло много радости. После того, как мой отец обнаружил его, я должен был защищаться. Я объяснил ему, что канатная дорога служит для транспортировки воды, но он не поверил мне на слово. Внимательно осмотрев сооружение, он обнаружил следы навоза, которым я удобрял тыквы. В то время навоз был на вес золота для крестьян, к тому же, я использовал всю проволоку для веников из мастерской, а это было уже чересчур, в итоге он заставил меня разобрать лебёдку.

Несчастный случай в конюшне

В праздничный день, перед Рождеством, в 1954 году, я свалился с чердака, где кормил птиц, на молотилку в гумне. Получив множественные переломы рёбер и ушибы, я потерял сознание. Только вечером при работе на скотном дворе меня нашли. Пришёл врач, и на импровизированных носилках из двух жердей и покрывала меня спустили в долину, где ждала машина скорой помощи. Я перенёс ужасную боль, выплёвывая кровь. Врач предупредил мою маму, чтобы она была готова к худшему.

Моё пребывание в больнице растянулось на многие месяцы, у меня загноилась кожа на рёбрах, поэтому каждые три часа мне делали уколы. Я же очень беспокоился о моих козах, ламах и плодовых деревьях на моём участке.

— Ты уже огородил мои деревья от зайцев? — всё время спрашивал я брата, когда он приходил ко мне.

Работы по хозяйству

Зимой, когда приходила моя очередь, я должен был регулярно перевозить дрова. К тому времени выпадало много снега, и дорогу нужно было сначала

расчистить, так же, как место для дров и вокруг сеновала. Я должен был вести быка или корову, в то время как взрослые заполняли сани сеном и дровами.

При вспашке было всё наоборот, нужно было очень точно идти, упряжку из двух быков или лошадей приходилось вести так, чтобы плуг не выскочил из борозды. Если борозда искривлялась, то замечтавшегося ребёнка ждала трёпка, и это было в порядке вещей. Тогда никто не понимал, что у ребёнка могут быть свои мысли и мечты.

Когда приходили соседские дети, все расспрашивали друг друга, кто и сколько раз получил сегодня нагоняй, и если кто-то говорил: «Я нисколько», ему никто не верил.

Опять о вспашке: после вспашки поля выравнивались деревянными граблями, камни вытаскивали и складывали в конце поля. Однажды я долго из-за этих работ не ходил в школу, пока не пришло письмо от директора с угрозой родителям. Чтобы оправдать моё отсутствие, я намазал лицо керосином, от которого оно стало красным, как от сыпи. Увидев это, учитель сразу отправил меня к врачу, который поставил диагноз внутреннего загноения, всадил мне несколько уколов и дал мазь. После чего я по-настоящему заболел и провёл в постели несколько дней.

Контрольных работ я всегда боялся. Однажды произошло следующее: была объявлена контрольная по математике. Трое соседских ребят и я решили с помощью трюка избежать её, разыграв перед учителем сильную зубную боль. Хохулен Полдль был старшим из нас и превосходным притворщиком. Он так завыл от боли, а за ним Йесснер Михель, Томас и я, что учитель сразу же отправил нас к зубному врачу Ляйнеру, рядом со школой. Когда мы вчетвером пришли туда, в комнате ожидания никого не оказалось. В этот самый момент открылась другая дверь, вышли старый и молодой доктор и спросили:

— Что, ребята, случилось?

Мы трое одновременно, как будто выстрелили из пистолета:

— У Полдля болит зуб!

После чего Полдль увели в кабинет. А мы обдумывали, что нам лучше сказать, когда дверь снова откроется, и решили: нам стало уже лучше. Мы страшно боялись вырывать зубы.

И тут мы услышали душераздирающий крик нашего друга Полдля, который без обезболивания жертвовал здоровым зубом. Теперь нас уже ничто не могло удержать, мы вылетели на улицу в направлении дома, боясь, что доктор будет преследовать нас. Только в Мадлинге мы остановились, чтобы отдышаться и дождаться Полдля. Он появился позже, плача, и с кровью во рту.

— Фальшивые собаки, трусы! — всё, что он смог сказать.

Мы сразу стали осматривать, сколько зубов вырвал доктор у Полдля, почему он так кричит.

На следующий день учитель дал каждому пару крепких пощёчин. Теперь смеялся Полдль:

— Так вам и надо!

В итоге контрольную мы должны были выполнить, конечно же, все четверо.

Помню ещё один смешной случай с Полдлем. У нас на горе почти не было фруктов, а в долине, в Мадлинге и в Таферне, было много фруктовых деревьев: яблони, вишни и сливы.

Наша школьная дорога проходила через участок Ляймбахера, где росла слива. Мы часто стряхивали с неё ягоды.

Однажды, когда нижние ветки были нами уже обобраны, мы попросили Полдля залезть на дерево и потрясти. Полдль был самый большой и самый сильный из нас, но он всегда попадался на наших советах, так же было и в этот раз. Наши мешки были уже полны спелых плодов, как вдруг появился хозяин участка, Ляймбахер. А Полдль сидел на дереве и кричал:

— Ну, что, достаточно?

Хозяин ответил:

— Ах ты мерзавец, что ты делаешь наверху?

Продолжением, уважаемые читатели, была приличная трёпка, которую мы наблюдали с безопасного расстояния. Бедный Полдль, ему прилично досталось, даже пуговицы на его штанах были оторваны, и ему приходилось держать их руками.

Примерно в шести часах пешего хода от дома, на нагорье, выпасали мы своих бычков. Всего один раз отец взял меня с собой, чтобы я запомнил дорогу. Второй раз я должен был идти один, чтобы принести кормовую смесь: высушенные цветущие травы, соль, дроблёный овёс с пшеницей. Каждые две недели нужно было сходить туда, чтобы проверить скотину и передать еду пастуху. Дорогой по нагорью была узкая тропа, проходящая через две горы. В такой день мне нужно было выйти в 5 часов утра и быть в дороге до 22.30. Тяжёлую поклажу я должен был донести до места, накормить своих бычков, найти их в стаде, проверить, здоровы ли они, и на обратном пути зайти к пастуху, передать привет, сало и шнапс. Это была тяжелейшая нагрузка. Найти дорогу и вернуться домой было нелегко, но страх не давал свалиться от усталости или заснуть на ходу. Мало кто может сегодня сделать то, на что мы, дети, были тогда способны.

Этот прекрасный вкус льняного масла

Крестьяне в то время сами выращивали лён и отдавали его на прессование за деньги в Мадлинг. Свежевыжатое масло для нас, детей, пахло особенно чудесно, оно нас притягивало магически.

Наша мама изредка давала нам в школу выпечку, и мы с удовольствием макали её в свежее масло, это были годы, когда масло экономили особенно.

Поздней осенью солома льна поджаривалась и трепалась. Этот процесс впечатлял меня из-за запаха, исходившего от неё, и распространявшегося приятного тепла при поджаривании. При трёпке грубое волокно отделялось и потом, многоступенчато, обрабатывалось дальше.

В процессе обработки льна выбрасывался побочный продукт — остатки грубого слоя стебля с кусочками волокна, которыми мы, мальчишки, учиняли злобные выходки над молодыми тщеславными девчонками, мазали им лицо, чтобы привлечь их внимание. Лицо становилось красным и покрывалось прыщами, что отталкивало на время всех ухажёров. Однако проказник был уверен, что это позволит ему легче завести шашни с избранницей. Однако этим же нас наказывали за воровство сливы или за другие проделки.

Первые опыты пересадки плодовых деревьев

Во времена моей юности у нас высаживали такие растения, как рожь, пшеницу, овёс, ячмень, лён, бобовые, и они росли у нас на высоте 1350 метров над уровнем моря с успехом. Единственная сложность при этом — косули и олени, которые наносили большой ущерб. Но и с этим мы успешно справлялись, отпугивая животных огнём, пугалом, набитым соломой, или шумом водяного сооружения, бьющего консервную банку. Многообразие выращиваемых тогда растений доказывает ошибочность сегодняшнего суждения, что ничего не может расти здесь, на горе. Напротив, растёт и созревает замечательно.

Возвращаясь домой из школы, я часто сокращал путь. Дорога вела через поля и лес, я исходил всё вдоль и поперёк, нередко опаздывая при таких сокращениях. Однако эти дороги часто открывали мне много интересного: лисью нору, здание старой заброшенной мельницы в овраге или различные дикорастущие деревья. Там, где стояли большие плодовые деревья, вокруг росли также и маленькие. Эти маленькие деревца я часто выкапывал, чтобы посадить у себя в саду.

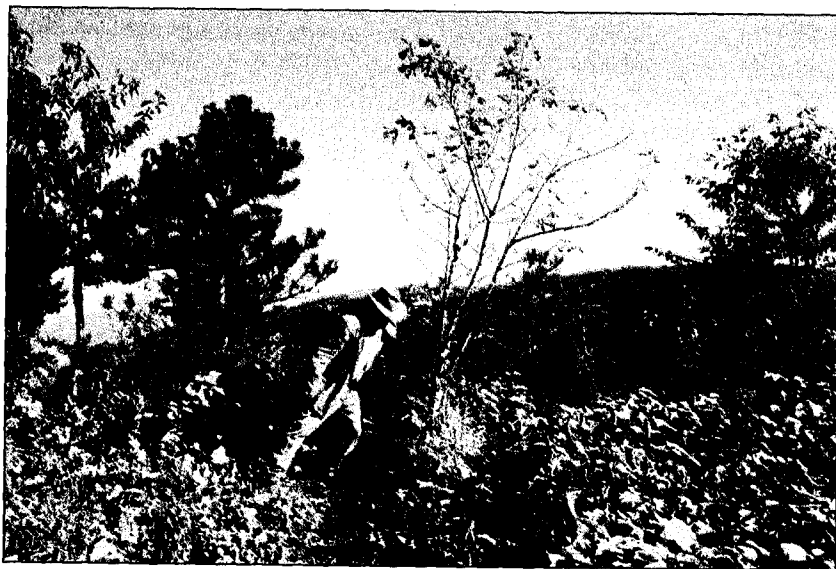
Однажды в конце учебного года, примерно в июне, я обнаружил дикие яблони двухметровой высоты. Они росли прямо на камнях, и мне легко удалось вырвать их со всеми корнями. Когда я, весь взмокший, принёс их домой, мама, ругаясь, сказала:

— Очень жалко, но деревце с листвой и цветами не приживётся. В пору цветения его никто не пересаживает, оно пропадёт.

Но это меня ничуть не смутило, и я высадил деревья к себе на участок, оборвав все листья и цветы, из-за которых деревце не должно было прижиться. На моём участке не было возможности полива, до источника было далеко. Хорошо, как только мог, я закопал корни, забросал листвой и оборванной травой, а сверху положил камни, чтобы дерево не упало. Потому что с камнями у меня

Мои плодовые деревья не опрыскиваются, не удобряются и не обрезаются. Поэтому ветки, усыпанные плодами, опускаются на землю.

Деревья с треугольным мешком для корней могут быть высажены даже без выкапывания лунок. Угловатые мешки дают большую стабильность дереву, при этом даже большим деревьям не страшен ветер.

был хороший опыт. Через несколько недель я подумал, что мои деревца пропали, потому что веточки засохли. Но увидел новые почки и листочки на них.

Этот опыт был очень важен для меня, и сегодня я пересаживаю деревья таким же способом, немало зарабатывая на этом. Покупаю в питомниках в конце сезона (май-июнь) остатки по дешёвке. Сейчас я не обрываю листья и цветы, а кладу дерево на солнце на короткое время, прикрывая корни мешковиной, что очень важно, ведь корни не переносят прямых солнечных лучей. Дерево хочет выжить, и само за короткий период, 1-2 дня, сбрасывает листья и цветы. Теперь оно готово к высадке в грунт. В это время ни капли воды не должно попасть на корни, иначе оно не сбросит листья. Даже после посадки дерево не поливается. От полива почки и листья будут чересчур быстро развиваться, а корень ещё не в состоянии их питать, в итоге, если деревце поливать, оно засохнет.

Итак, листья и цветы опали, деревце не поливается, оно не тратит энергию, корни быстро и легко приживаются, к тому же, влаги в почве вполне достаточно, а камни и листья, положенные сверху, — это самое лучшее, что можно было сделать для деревца.

Таким способом я пересадил в моём альтернативном питомнике в последние десятилетия не одну тысячу деревьев, а позже продал их за хорошие деньги.

Этот пример показывает важность практического опыта в уходе за растениями. То, что моя мама сочла неразумным, легло в основу моего дальнейшего успеха.

Дети сегодня завоспитанны

Большая проблема нашего времени в том, что дети в момент взросления не во-, а —завоспитываются. Родители постоянно отучают своих детей от природных инстинктов: «не трогай», «ты запачкаешься», «смотри, на кого ты похож», «это кака, пойдём, оставь это».

Эти фразы постоянно у нас в ходу, и были сказаны бесчётное количество раз. В большинстве случаев это отговорки или бегство родителей, ведь взрослые сами, к сожалению, не знают ответы на вопросы детей. Если люди вырастают в природе, умеют её понимать, а дети ещё обладают этой способностью, то воспитывать их не нужно. Я даже провоцирую, говоря:

— Дети должны воспитывать родителей!

Дети любопытны, они спрашивают, а родители редко отвечают компетентно, потому что животные и растения, а, соответственно, природа, стали для них чужими.

Успешен будет тот, кто знания получил опытным путём, а не тот, кто их прочитал. Так что давайте оставим детям возможность, играючи, прожить, прочувствовать жизнь так, как я мог это делать в юности. Каждый должен иметь возможность сказать то, что он думает, а не то, что от него хотят услышать другие.

Обычное дипломатическое воспитание я вижу как воспитание друг против друга. Которое человек не воспринимает вначале, но впоследствии встраивается в эту цепочку и сам. Это я называю лемминговым поведением.

Я могу открыто с людьми обмениваться опытом, и тогда эти беседы обогащают, становятся интересными, дружелюбными, обучающими, и время пролетает незаметно. А лемминговое поведение прямо противоположно этому: люди говорят о негативном, о слабых сторонах и ошибках, так распространяется ложь (как заезженная пластинка).

Один пример: торговец покупает у двух крестьян по корове. Он по секрету рассказывает одному, а позже, в доверительной беседе, и другому, за сколько купил корову. Встретившись однажды, эти крестьяне спрашивают, как дела, и, конечно, разговор заходит о цене. Один, из желания приукрасить, называет завышенную цену. Придя домой, другой крестьянин в кругу своей семьи осуждает обманщика: «Эта «брехливая собака»...», потому что знает настоящую цену от торговца. Так люди ссорятся между собой. Это не только пример, затрагивающий крестьян, но и всех повсеместно. Так теряется доверие между людьми.

Когда я рассказываю о своём опыте честно, люди чувствуют, что я не приукрасил ничего, и тоже раскрываются. Так выстраиваются крепкие, дружеские взаимоотношения между людьми.

Игра в карты – слабость моего отца

В последние мои школьные годы, примерно в 1956-м году, обычно по воскресениям мы, дети, часто бывали с отцом в закусочных Рамингштайна. Мы наблюдали, как отец играет в карты с соседями. И нам было хорошо видно, что папа не очень честно играет. И мы обратили на это его внимание. Когда его партнёры по игре заметили это, они рассердились на нас, стали кричать и ругаться, и хотели отправить нас домой. Всё это стало повторяться из месяца в месяц, из года в год, и приняло плохой оборот. Отец стал проигрывать большие суммы денег. Очень скоро мы должны были прибыль от продажи скотины и древесины отдавать в счёт погашения долгов, отец был вынужден взять кредит, чтобы погасить все требуемые долги.

Это привело к ссоре в семье, но папу это не образумило. Часто под предлогом помощи соседям он уходил снова играть в карты.

Карточные игры в то время были очень широко распространены во всём регионе. Некоторые крестьяне теряли дома и хозяйства.

Дело дошло до того, что отец подписал договор о продаже нашего дома, земли и всего, что на было ней. Он планировал завести небольшое хозяйство в другом районе Австрии, цена которого составляла 320 000 шиллингов (23 255 евро) вместе с инвентарём, и хотел переехать, так как не мог или не хотел сопротивляться партнёрам по игре и некоторым соседям. Я же готов был зубами

защищать нашу землю от этого шага, в противном случае я бы потерял все свои растения и свою Родину!

Я перестал общаться с отцом, ругался с мамой, не поехал с семьёй осматривать новое место. Мой старший брат к тому времени уже не жил с нами.

Это было тяжёлое время моей юности, я уже имел доверенности на несколько участков, ответственность за которые отец переложил на меня, но при этом он не считался со мной.

Друзья отца настраивали его против меня, что ещё больше усугубляло ситуацию. Это продолжалось больше года, прежде чем я добился отказа моего отца от договора. Теперь он должен был платить большие штрафы, что растянулось на многие годы, но самое главное — наше хозяйство было спасено.